

М. Сунцов

К вопросу о девальвации рубля и о реальных причинах текущего замедления экономики России

В статье кратко излагаются основные результаты системного анализа рыночных систем, проведенного по оригинальной методике автора, предполагающей доказательство адекватности полученных представлений. На их основе показывается наличие серьезных системных ошибок в управлении экономикой России и подробно описывается одна из них – постоянное стремление искусственно девальвировать рубль, а также выявляются реальные причины текущего замедления экономики России.

Ключевые слова: системный анализ, индексы процветания, национальные интересы, добавление денег в систему (*долл*), размер реального сектора, управление устойчивостью, девальвация рубля.

Copyright © М.Е. Сунцов 2013

Введение

Основной причиной написания данной статьи явилось непрерывное муссирование утверждения о том, что девальвация рубля практически полезна (и даже необходима) для экономики России. Это утверждение, по наблюдениям автора, буквально запленило умы наших экономистов. Поражает практическая солидарность большинства экономистов по этому вопросу. По крайней мере, за последние 10 лет автору не пришлось встретиться с прямым высказыванием о том, что девальвация рубля вредна для России. В последнее время к этому хору голосов официально подключились власти, которые в начале лета устами министра финансов РФ заявили о полезности девальвации рубля и рассказали о планах Минфина по скупке иностранной валюты с целью ослабления рубля. Это было первое открытое заявление властей о планах по искусственной девальвации национальной валюты. Следует сразу отметить, что девальвация рубля в России может быть только искусственной, поскольку платежный баланс России за достаточно большой промежуток времени (например, год) до сих пор остается положительным, что определяет постоянное среднее превышение предложения валюты над спросом на внутреннем валютном рынке России, что по всем рыночным правилам не должно приводить к (среднему) понижению номинального курса рубля. Правила допускают скупку Банком России «излишнего предложения» валюты, что не позволит рублю постоянно укрепляться, но это не может привести к ослаблению рубля.

Факты говорят, что власти (в основном, в лице Правительства) всегда поддерживали искусственную девальвацию рубля (достаточно посмотреть любой прогноз экономического развития, где постоянно планируется некоторое ослабление рубля при профицитном платежном балансе), однако прямо заявлять об этом они не могли, поскольку искусственная девальвация рубля прямо нарушает статью 75 Конституции РФ, которая предписывает Банку России обеспечивать устойчивость (стабильность) национальной валюты. Сделав открытое заявление о полезности искусственной девальвации рубля, власти фактически заявили о полезности прямого нарушения Основного закона страны. Очевидно, что если власти считают искусственную девальвацию рубля полезной для России, они сначала должны легально изменить Конституцию РФ. Следует отметить, что в Конституции РФ, речь шла, конечно же, об устойчивости номинального курса рубля, а не того гипотетического понятия, которое называют «реальным эффективным курсом рубля» (это понятие будет рассмотрено ниже).

Теперь о сути вопроса. Автор считает, что утверждение о полезности искусственной девальвации национальной валюты для России является ошибочным. Более того, пока Россия остается в положении «слабой» системы, неспособной в достаточной степени самостоятельно обеспечивать товарами и услугами свое население, искусственная девальвация рубля будет наносить ей огромный ущерб. В данной статье приводится достаточно строгое обоснование данного утверждения. Для этого используются результаты системного анализа рыночных систем, проведенного автором по оригинальной методике, предполагающей доказательство адекватности полученных представлений. Строгое изложение используемой методики и результатов системного анализа приведено в [1].

Очень часто при обосновании полезности девальвации рубля употребляется следующее утверждение: «девальвация полезна системе, поскольку она подавляет импорт и стимулирует экспорт». Данное утверждение стало непререкаемой догмой. Однако, объективный и непредвзятый анализ показывает, что данное утверждение справедливо далеко не всегда. Ниже будет показано, что в условиях России девальвация практически не приводит к подавлению импорта. Кроме этого, хотелось бы получить внятное определение термина «полезно», чтобы быть уверенными, что мы не заблуждаемся, считая абсолютно полезным, например, стимулирование экспорта. А для этого необходимо явно определить характеристики системы, значения которых показали бы, что означают для системы термины «полезно», «хорошо», «стало лучше» и т.д. Эти характеристики должны быть измеряемыми, объективными и бесспорными. Будем называть их «индексами процветания». Текущие представления о рыночных системах, реально используемые для управления экономикой России (далее – «рыночная парадигма») фактически предполагают оперировать тремя индексами процветания: валовой внутренний продукт (ВВП), инфляция и безработица. Однако общественные системы состоят из людей, и логично было бы напрямую привязать индексы процветания к состоянию этих людей. Рыночная парадигма говорит следующее: «мы используем огромное количество характеристик, отражающих состояние людей-членов системы, однако, рыночная система является «самонастраиваемой», соответственно, ее функционирование способствует оптимальному и справедливому распределению ресурсов среди людей, поэтому положительная динамика данных характеристик должна приводить к положительной динамике характеристик, отражающих состояние людей». Ниже будет показано, что утверждение о самонастраиваемости является ложным, что делает необоснованным утверждение о том, что упомянутые выше характеристики можно считать индексами процветания системы. Поэтому необходимо *напрямую* определить индексы процветания.

1. Индексы процветания

Предварительно следует отметить, что для того, чтобы отдельное значение индекса показало, насколько хорошо системе, необходимо знать значение этого индекса для ситуаций, когда системе «хорошо» и когда системе «плохо». Это не всегда возможно, поскольку оценки «хорошо» или «плохо» обычно субъективны. Поэтому будем использовать оценки «стало лучше» или «стало хуже», допускающие объективное представление. В этом случае смысл будет иметь не отдельное значение индекса, а *динамика* изменения этих значений во времени (например: значение индекса за некоторый промежуток времени выросло – значит, системе «стало лучше»).

Определим индексы процветания путем простых логических рассуждений. Будем последовательно выделять бесспорные *необходимые* условия того, что системе «стало лучше» (за некоторый промежуток времени), и определять для них индексы процветания. Будем продолжать этот процесс до тех пор, пока эти необходимые условия не закончатся. Необходимость условия говорит о том, что если это условие *не выполняется*, то это однозначно и бесспорно означает, что системе «стало хуже».

Систему составляют люди, люди – живые организмы. Для всех живых организмов существует единая очевидная характеристика, показывающая, «лучше» стало системе или «хуже», - это **общий прирост членов системы** (за некоторый промежуток времени) – индекс №1.

Индекс №1 допускает объективное представление. Очевидно, что положительная динамика индекса №1 (или его положительное значение при нулевой динамике) является *необходимым* условием признания того, что системе «стало лучше».

Очевидно также, что такая динамика индекса №1 не является *достаточным* условием признания того, что системе «стало лучше». В частности, такая динамика может обеспечиваться за счет притока членов из других систем (внешней миграции), при этом естественный прирост членов системы может оказаться отрицательным, что, очевидно, не позволит считать, что системе «стало лучше».

Поэтому добавим индекс №1.1 – **естественный прирост членов системы**. Индекс №1.1 является объективным. Везде далее для упрощения изложения под положительной динамикой индексов №1 и №1.1 будем понимать их положительное изменение *или* положительное значение при нулевом изменении. Очевидно, что наличие положительной динамики любой комбинации индексов №1 и №1.1 (при условии отсутствия их отрицательной динамики) является *необходимым* условием признания того, что системе «стало лучше».

Очевидно, что такая динамика индексов №1 и №1.1 не является *достаточным* условием признания того, что системе «стало лучше». Дело здесь в том, что люди относятся к живым организмам, которые

считают, что системе стало лучше только при условии, что стало лучше отдельным членам системы. Поэтому придется добавлять индексы, относящиеся к отдельным членам системы.

Добавим индекс №2 – **продолжительность жизни членов системы**. Он является объективным. Очевидно, что положительная динамика любой комбинации индексов №1, №1.1 и №2 (при отсутствии их отрицательной динамики) является *необходимым* условием признания того, что системе «стало лучше».

Очевидно также, что такая динамика этих индексов не является *достаточным* условием признания того, что системе «стало лучше». В частности, индекс №2 может иметь положительную динамику за счет увеличения продолжительности «нездоровой» (инвалидной или несвободной) части жизни, при этом продолжительность «здоровой» части жизни может уменьшаться, что, конечно, не может рассматриваться как «улучшение».

Поэтому добавим индекс №2.1 – **продолжительность «здоровой» жизни**. Он является объективным. Очевидно, что положительная динамика любой комбинации индексов №1, №1.1, №2 и №2.1 (при отсутствии их отрицательной динамики) является *необходимым* условием признания того, что системе «стало лучше».

Очевидно, что такая динамика этих индексов не является *достаточным* условием признания того, что системе «стало лучше». Дело здесь в том, что человеку недостаточно долго жить здоровой жизнью для того, чтобы считать, что ему хорошо (или стало лучше), ему еще хочется жить так, чтобы в полной мере удовлетворять свои интересы (потребности).

Поэтому возникает желание добавить индекс №3 – степень удовлетворения потребностей. Однако человеческих потребностей так много и они так многообразны, что, в общем, этот индекс не допускает *объективной* оценки. Поэтому пойдем на некоторое ограничение – назовем индексом №3 **уровень благосостояния членов системы**, определяющий возможности удовлетворения потребностей путем приобретения продукта (материальных потребностей). Очевидно, что положительная динамика любой комбинации индексов №1, №1.1, №2, №2.1 и №3 (при отсутствии их отрицательной динамики) является *необходимым* условием признания того, что системе «стало лучше».

Очевидно, что такая динамика этих индексов не является *достаточным* условием признания того, что системе «стало лучше». Дело здесь в том, что у нас остались «неохваченными» нематериальные потребности, которые не поддаются объективной оценке. Кроме этого, людям для того, чтобы считать, что *все* хорошо, недостаточно понимать, что они стали дольше жить здоровой жизнью и их возможности для удовлетворения потребностей возросли, им *необходимы гарантии*, что все это вдруг не закончится, а будет продолжаться далее.

Поэтому добавим индекс №4 – **устойчивость системы**. Под устойчивостью по отношению к некоторым *влияниям* на систему будем понимать такое качество общественной системы, при котором любые комбинации значений этих влияний не могут привести к неприемлемым значениям индексов №№1-3. Чем выше устойчивость системы, тем выше вероятность того, что индексы №№1-3 в будущем не претерпят существенных ухудшений и/или система не разрушится. Данный индекс допускает объективную оценку. В частности, он позволяет косвенно, но объективно оценить степень удовлетворения *нематериальных* потребностей. Например, потребность жить в комфортной среде трудно или невозможно оценить объективно, однако степень дискомфорта можно косвенно, но объективно оценить на основе измерений ряда параметров – различных диспропорций (политических, экономических, этнических), характеристик окружающей среды и т.д.

Очевидно, что положительная динамика любой комбинации индексов №№1-4 (при отсутствии их отрицательной динамики) является *необходимым* условием признания того, что системе «стало лучше».

Очевидно также, что такая динамика индексов №№1-4 является и *достаточным* условием признания того, что системе «стало лучше», поскольку других необходимых условий не имеется – ЧЛЕНАМ СИСТЕМЫ БОЛЬШЕ НЕЧЕГО ЖЕЛАТЬ!

Если наблюдается отрицательная динамика хотя бы одного индекса процветания, то однозначно считать, что системе «стало лучше», нельзя. В этом случае можно делать выводы об «улучшении» или «ухудшении» по определенным направлениям. Понятно, что этих направлений четыре:

1. Направление «численность» - включает индексы №1 и №1.1.
2. Направление «продолжительность жизни» - включает индексы №2 и №2.1.
3. Направление «благосостояние» - индекс №3.
4. Направление «устойчивость» - индекс №4.

Естественно считать, что **национальные интересы** общественной системы заключаются в обеспечении постоянной положительной динамики индексов процветания (что можно рассматривать как постоянное устойчивое приближение к «процветанию»).

Особое место в индексах процветания занимает индекс №4 - устойчивость системы. Без устойчивости системы положительная динамика других индексов просто теряет смысл. Никому не нужно текущее улучшение, если завтра может наступить существенное ухудшение или система вообще перестанет существовать (разрушится).

Как мы видим, среди выделенных индексов процветания не нашлось места традиционной тройке (ВВП, инфляция, безработица). Очевидно, что эта тройка представляет лишь технические параметры, *влияющие* на индексы процветания (прежде всего, на индекс №3 направления «благосостояние»). Существует огромное количество ситуаций, когда данная тройка демонстрирует положительную динамику, а системе однозначно становится «хуже». Например, система динамично производит продукт, но распределяется он среди членов системы крайне неравномерно, что может выражаться в резком обогащении меньшинства и обнищании большинства. Следует также отметить, что понятие «устойчивость», формирующее наиважнейший индекс процветания, вообще не рассматривается в традиционной парадигме.

Представление индексов направлений «численность» и «продолжительность жизни» не вызывает особых вопросов. Для представления индекса направления «благосостояние» (далее будем называть его индексом благосостояния) автор применяет плотность распределения располагаемого дохода населения, выраженного в «прожиточных минимумах» (см. рис.1-2).

Для представления направления «устойчивость» было выделено 9 индексов, представляющих различные влияния на систему и/или возможные диспропорции в системе (см. п.5.5. [1]). Изменение курса рубля *непосредственно* влияет на один индекс этого направления. Он называется «степень внешней зависимости» (СВЗ) и определяется отношением внешнеторгового оборота (импорт плюс экспорт) к так называемому собственному производству (СП), которое не зависит от внешних систем. СП – это гипотетическое понятие, показывающее, каково будет производство системы в состоянии полной изоляции, когда внешний мир откажется принимать наш экспорт и поставлять импорт. СП, по сути, это производство резидентов для резидентов. Подход к оценке этого параметра приведен в п.3.4.5. [1]. СВЗ показывает, во сколько раз внешнеторговый оборот превышает размер собственного производства. Чем больше значение СВЗ, тем хуже будет системе при возникновении экономических проблем во внешнем мире. Соответственно, в интересах отдельной системы добиваться снижения СВЗ, поскольку власти отдельной системы, в общем случае, не могут контролировать ситуацию в других системах (если, конечно, они не возомнили себя «владельцами мира»). Кроме этого, есть объективные основания считать, что серьезные экономические проблемы в мире будут (см. главу 9 [1]). Поэтому роль этого индекса для эффективного управления Россией может быть очень высока. На рис.3 приведена динамика СВЗ для России и США.

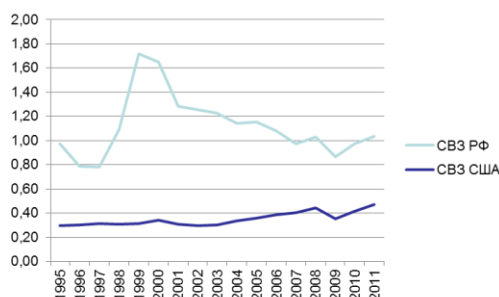
Источник: расчет автора по данным Федеральной службы государственной статистики (www.gks.ru)

Рис. 1. Индекс «благосостояния» для РФ.

Источник: расчет автора по данным : US Selected Income and Tax Items, Tax year 2000, 2009, (www.census.gov)

Рис. 2. Индекс «благосостояния» для США.

Источник: расчет автора по данным сайтов www.bea.gov, www.federalreserve.gov, www.census.gov, www.cbr.ru, www.gks.ru.

Рис. 3. Индекс СВЗ для РФ и США.

2. Особенности функционирования рыночных систем

Итак, мы выделили исчерпывающий набор индексов процветания системы. Теперь нам требуется определить, какое влияние на них оказывает девальвация национальной валюты. Для этого придется коротко рассмотреть особенности функционирования рыночных систем, поскольку эти реальные и объективные особенности существенно отличаются от традиционных представлений.

Традиционные представления базируются на *вере* в самонастраиваемость рыночной системы. В частности, предполагается, что изолированная рыночная система переходит в некоторое состояние «глобального равновесия», в котором может находиться бесконечно долго. Объективный анализ показал, что это не так. Оказалось, что для изолированной системы состояние «глобального равновесия», предполагающее бесконечное нахождение ее параметров в ограниченном диапазоне значений, невозможно. Это *доказано* в главе 4 [1]. Доказательство основано на том, что все основные процессы рыночной системы, представляющие предприятия (производственные процессы - ПП) и физических лиц (процессы чистого потребления - ПЧП), требуют для нормального функционирования постоянного наличия прибыли. В стационарной системе (в состоянии «глобального равновесия») прибыль ПП возможна только за счет прибыли ПЧП и наоборот, что приводит к «затуханию» обоих процессов. Для того, чтобы эти процессы постоянно имели ненулевую прибыль и могли функционировать, в систему требуется постоянно добавлять деньги.

Далее добавление денег в систему будем называть «*доливом*». Анализ показал, что, если *долива* нет (что характерно для изолированной стационарной системы), в системе *всегда* происходит процесс деградации (кризис), состоящий в том, что ПЧП вынуждены сокращать свои расходы для обеспечения наличия своей прибыли (роста накоплений), что приводит к снижению доходов ПП, что, в свою очередь, приводит к снижению выплат ПП в пользу ПЧП, что еще больше снижает расходы ПЧП и т.д. Процесс деградации продолжается до тех пор, пока поток расходов ПЧП не снизится до минимального уровня, соответствующего уровню выживания. При этом система переходит в состояние «полной деградации», при минимальном (но постоянном) потоке расходов и постоянно снижающихся накоплениях ПЧП. Состояние полной деградации совершенно неприемлемо для системы и приводит к ее разрушению. Для остановки процесса деградации или выхода из состояния полной деградации необходимо осуществить добавление денег в систему (*долив*). При определенных условиях *долив* запускает процесс «интенсификации», который является обратным описанному выше процессу деградации. Процесс интенсификации продолжается до тех пор, пока все долитые деньги не распределятся между ПЧП и ПП, после чего опять начинается процесс деградации.

Существуют «естественные» *доливы*, которые можно рассматривать как элементы самонастройки рыночной системы. К ним, например, относится эмиссия своих обязательств участниками системы (банками), которые затем используются в качестве денег. Важными естественными *доливами* являются *доливы*, связанные с нахождением внешних рынков сбыта для продукта, производимого в системе (экспорт продукта). Именно с этим связано веками наблюдаемое желание одних систем сбывать свой продукт в других системах.

Однако естественных *доливов* оказалось недостаточно для гарантированного нахождения системы в процессе интенсификации. Именно поэтому история рыночных систем (в период отсутствия целенаправленных *доливов*) представляется последовательностью деградаций (кризисов) и интенсификаций.

Ситуация кардинально изменилась после сильнейшего кризиса в США 1929 года (Великой депрессии), когда Дж. М. Кейнс предложил систематически использовать целенаправленные (искусственные) *доливы* посредством дефицита бюджета, покрываемого за счет средств, привлеченных от участников. Это позволило существенно увеличить периоды нахождения системы в состоянии интенсификации, но привело к образованию огромных диспропорций, которые сейчас могут разрушить развитые рыночные системы (см. главу 9 [1]).

Таким образом, оказалось, что рыночные системы не являются самонастраиваемыми, и для обеспечения постоянного их нахождения в процессе интенсификации необходимо осуществлять внешнее управление – производить искусственные *доливы*. Система с искусственными *доливами* оказывается явно нестационарной, что способствует развитию в ней диспропорций, которые могут существенно ухудшить динамику индексов процветания и даже привести к разрушению системы. Поэтому требуется предупреждать и устранять эти диспропорции, то есть УПРАВЛЯТЬ УСТОЙЧИВОСТЬЮ системы.

Таким образом, рыночные системы *требуют* внешнего управления, заключающегося в управлении *доливами* и управлении устойчивостью. Такое управление де-факто происходит во всех без исключения рыночных системах, однако, поскольку рыночная парадигма продолжает настаивать на самоуправляемости системы, то происходит это в очень ограниченном виде, несистемно и неэффективно, и часто имеет форму запоздалой реакции на уже случившиеся негативные изменения в системе. Следует отметить, что ряд систем, не принявших рыночную парадигму буквально, научились эффективно управлять экономикой (например, Китай).

Для завершения теоретического отвлечения требуется рассмотреть, как система реагирует на *долив*, а для этого необходимо рассмотреть некоторые элементы денежной структуры системы.

Конкретное рассмотрение движения денег в системе позволило явно увидеть, движение каких денежных единиц определяет все транзакции купли-продажи товаров и услуг (продукта) в системе. Суммарный объем этих денег (далее будем называть его размером реального сектора M_R) легко определяется: это сумма всех денежных средств предприятий, предназначенных для *оборота* их продукции (денежные остатки в кассе и на счете для текущих расходов, краткосрочные депозиты, предназначенные для закупки комплектующих и выплаты зарплаты в определенное время и т.д), а также денежные средства физических лиц, предназначенные для текущих расходов. Среднее значение M_R оказалось существенно меньше традиционного денежного агрегата $M1$ – совокупности денег, которыми можно непосредственно расплатиться (наличные деньги и остатки на счетах «до востребования»). Это значит, что часть денег из агрегата $M1$ не принимает участия в «обороте» реального сектора. Эта часть составляет так называемый спекулятивный сектор, в котором денежные единицы либо вообще не участвуют в транзакциях, либо принимают участие в транзакциях купли-продажи ценных бумаг и валюты. Анализ показал, что оборот денег в реальном и спекулятивном секторах очень сильно различается. В реальном секторе он носит существенно регулярный характер и характеризуется относительно постоянным средним временем обращения денежных единиц. В спекулятивном секторе денежный оборот носит «взрывной» характер, а среднее время обращения может изменяться в очень больших пределах. Напомню, что рыночная парадигма «все валит в одну кучу», то есть считает, что все деньги из $M1$ участвуют в обороте реального сектора. Это приводит к серьезным ошибкам, в частности, при прогнозировании инфляции.

Анализ показал, что долитые деньги только тогда оказывают значимое влияние на систему, когда они увеличивают M_R , то есть включаются в оборот реального сектора. Коротко рассмотрим, как *долив* влияет на M_R . *Долив* в M_R можно интерпретировать как увеличение потока спроса на продукт реального сектора. При умеренном *доливе*, когда реальный сектор способен адекватно ответить увеличением интенсивности производства (загрузка ресурсов не максимальна), происходит увеличение размера M_R *без увеличения* обобщенной цены продукта (инфляции). Увеличение загрузки ресурсов дает стимул для *плановых инвестиций* в основные средства, которые вернут значение загрузки к некоторому «оптимальному» значению. При сильном *доливе*, когда реальный сектор выходит на максимальную загрузку, интенсивность производства становится максимальной и возникает инфляция, которая как бы «сжигает» избыточный *долив*, плановые инвестиции увеличиваются, и они пока «успевают» вернуть систему к оптимальной загрузке, реальная (с учетом инфляции) прибыльность стабилизируется и остается приемлемой для производителей. При очень сильном *доливе* инфляция растет так быстро, что плановые

инвестиции не успевают снижать загрузку, что делает их бессмысленными. Реальная прибыльность производства постоянно падает (рост номинальной прибыли не «успевает» за инфляцией), что приводит к постоянному сокращению производства. Наступает так называемая «инфляционная деградация» (рыночная парадигма называет это «стагфляцией»).

Итак, в процессе этого небольшого теоретического отвлечения, было предложено простое и объективное представление поведения рыночных систем, которое легко и естественно отвечает на вопросы, на которые традиционная рыночная парадигма внятно ответить не могла (это касается, например, вопроса о природе кризисов). Строгое изложение этого представления приведено в [1].

3. Денежная структура реального сектора России

Теперь мы готовы перейти к непосредственному ответу на вопрос о пользе или вреде искусственной девальвации рубля в России. Для этого рассмотрим, как работает экономика России.

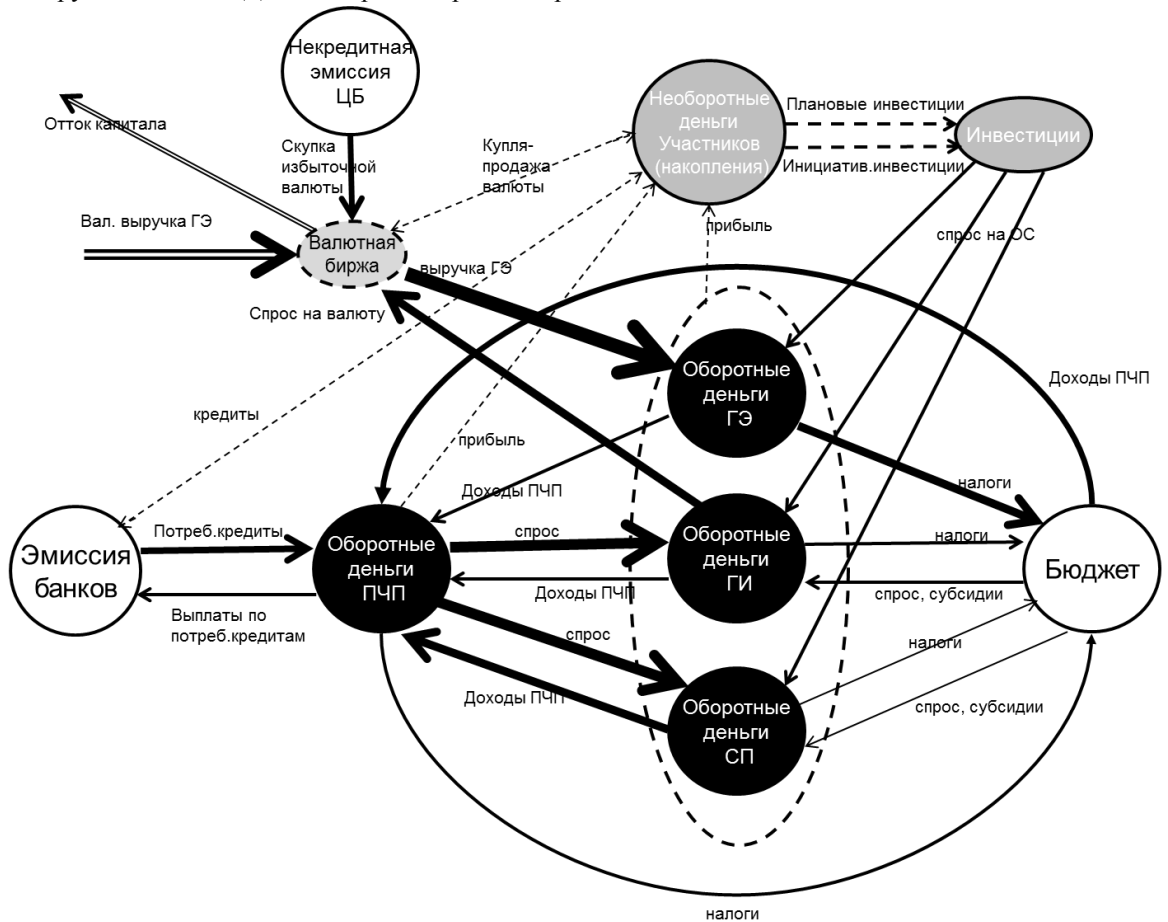

Рис.4. Денежная структура реального сектора экономики России

Денежная структура реального сектора экономики России изображена на рис. 4. Она состоит из объектов, в которых могут «находиться» деньги реального сектора (объекты обозначены черным тоном). Там же показаны объекты спекулятивного сектора (серый тон) и их взаимодействие с объектами реального сектора, а также объекты, представляющие эмиссию (*доливы*) денег в систему (обозначены белым тоном). Отдельным объектом представлена Валютная биржа (серый тон), на которой происходит конвертация валюты в рубли и обратно. Одинарными стрелками представлены потоки денег (рублей). Двойными стрелками представлены потоки валюты. Сплошными стрелками представлены потоки, непосредственно связанные с реальным сектором. Толщина стрелок пропорциональна величине потока.

Для решения нашей конкретной задачи все резидентские производственные процессы (ПП) были разбиты на три группы: собственное производство (СП) – это производство резидентов для резидентов (определено выше), производство группы импорта (ГИ) и производство группы экспорта (ГЭ). В ГИ входит производство продукта, связанного с импортом (продукт используется для импорта или импорт используется для производства продукта). В ГЭ входит производство продукта, связанного с экспортом (продукт используется для экспорта).

4. Экономика России в период относительной стабильности рубля (2000-2008 годы)

Сначала рассмотрим, как работала система в период относительной стабильности рубля (2000-2008 годы). В этот период в системе наблюдался устойчивый процесс интенсификации (среднегодовой рост реального ВВП составлял 6,9%). Это значит, что в этот период в реальный сектор постоянно осуществлялся *долив*. *Долив*, в основном, происходил из объекта «некредитная эмиссия ЦБ» в результате постоянной скупки Банком России «излишней» валюты, возникающей из-за хронически профицитного платежного баланса РФ, который определялся огромным профицитом ее торгового баланса (см. рис.4). Банк России в этот период активно вмешивался в процесс курсообразования, не давая рублю «чрезмерно» укрепляться, и фактически поддерживал курс рубля на одном уровне (относительно корзины валют). Такой подход соответствовал рыночной парадигме и законодательству РФ.

Долитые «эмиссионные» деньги, таким образом, являлись частью рублевой выручки ГЭ. Размер этого *долива* был **ОЧЕНЬ БОЛЬШИМ**, он никак не был связан с состоянием принимающей его экономики, а определялся, в основном, объемами добычи сырья. Власти понимали, что это опасно, но уменьшать объемы добычи сырья не стали, а решили изъять большую часть долитых денег путем увеличения налогообложения конкретных экспортеров. Это было сделано посредством налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ) и экспортных пошлин. В результате, большая часть долитых денег практически сразу попадала в бюджет, где часть этих денег, которую власти считали избыточной, выводилась из оборота реального сектора в специальные бюджетные фонды. Соответственно, бюджет становился профицитным. Данный подход не был проработан идеально и содержал скрытую ошибку, которая предполагала при определенных условиях изъятие большего количества денег, чем было долито. Такие условия возникают при «непланируемом» ухудшении платежного баланса (в частности, имеют место сейчас). Однако в рассматриваемый период эти условия не возникали, и в результате описанной комбинации в систему доливалось рассчитанное количество денег. *Долив* производился непосредственно в процессы чистого потребления (ПЧП) путем повышения выплат бюджетникам и пенсионерам (власти это называли «инвестициями в человеческий капитал»). Эффективность такого *долива* (часть денег, устойчиво «усваивающаяся» в реальном секторе) была очень высокой, поскольку бюджетники и пенсионеры, составляющие категорию малообеспеченных граждан, имели высокую склонность направлять дополнительные доходы непосредственно на потребление.

На рис.4 изображен еще один эмиссионный источник - объект «эмиссия банков». В рассматриваемый период из него также происходил *долив*, поскольку задолженность участников перед банками постоянно увеличивалась. Размер этого (кредитного) *долива* был сравним с размером рассмотренного выше (некредитного) *долива*. Эффективность кредитного *долива* сильно зависела от получателей *долива*: для получателей-физических лиц эффективность была очень высокой (деньги, в основном, направлялись на потребление), для получателей-предприятий – относительно низкой (причин здесь много, одна из них состоит в том, что определенная часть денег безвозвратно поступала в спекулятивный сектор). В рассматриваемый период преобладал кредитный *долив* в пользу предприятий, соответственно, эффективность этого *долива* была относительно низкой.

В результате кредитных и некредитных *доливов* возник устойчивый процесс интенсификации, обеспечивший заметное улучшение индекса благосостояния системы (см. рис.1).

Посмотрим, что было с «устойчивостью» в этот период. Индекс, показывающий степень внешней зависимости (СВЗ) также показал положительную динамику (см.рис.3)! А это значит, что на рассматриваемом интервале собственное производство (СП) росло быстрее внешнеторгового оборота. И это при хронически высокой инфляции, приближающейся к двузначным значениям! Для того, чтобы объяснить данный факт, необходимо рассмотреть природу инфляции в России. Теоретически, инфляция может быть двух типов: инфляция спроса и инфляция издержек. Инфляция спроса возникает, когда объект, обрабатывающий поток спроса (в данном случае, ГИ и СП), не может адекватно ответить на его рост ростом потока предложения (одна из причин – достигнута максимальная загрузка основных средств) и он вынужден поднять цену своего продукта, что приводит к ограничению или снижению (продуктового) потока спроса. Инфляция издержек возникает, когда у рассматриваемых объектов при стабильном потоке спроса значимо увеличиваются издержки (на рис.4 это потоки денег, выходящие из объектов: для СП это выплаты в бюджет, выплаты в пользу физлиц, для ГИ к ним добавляются затраты на покупку валюты). Рост издержек уменьшает прибыльность объекта, что часто заставляет объект поднять цену (конкретная реакция зависит от состояния объекта и системы).

По всей видимости, инфляция спроса не была характерна для рассматриваемого нами периода. Причина этого очень проста: в этот период степень загрузки СП и, тем более, ГИ оставалась достаточно низкой. ГИ вообще очень трудно загрузить, поскольку она берет продукт из очень емкого мирового рынка, здесь могут быть только локальные проблемы при обработке очень резкого роста потока спроса, когда начинают работать локальные технические ограничения, связанные с организацией поставки продукта (такая редкая ситуация имела место в середине 2008 года). Поэтому есть все основания считать, что высокая инфляция в рассматриваемый период определялась инфляцией издержек. Частично эти издержки были связаны с ростом зарплат во всех сферах экономики, что явилось следствием описанного выше *долива* в «человеческий капитал». Однако основная часть издержек определялась «нерыночным» повышением цен (тарифов) естественных монополий. В рассматриваемый период власти разрешали монополистам регулярно повышать свои тарифы (причины этого здесь не рассматриваются).

Очевидно, что высокие внутренние издержки в России в большей степени влияют на СП, чем на ГИ (для ГЭ есть варианты). Объясняется это очень просто: в СП очень высока доля внутренних издержек на единицу дохода. В ГИ, наоборот, все базируется на завозе продукта извне, поэтому основные издержки определяются валютными затратами на приобретение продукта и, соответственно, «внешней» инфляцией, а доля внутренних издержек очень мала. Соответственно, ГИ получает конкурентное ценовое преимущество перед СП. И это преимущество уже давно реализовано! То есть «рыночный» импорт из стран-производителей с низкой инфляцией (США, Европа, Япония) на нашем внутреннем рынке уже давно не имеет никаких конкурентов. Например, в РФ не имеет смысла организовывать полноценное собственное производство автомобилей типа «Мерседес», поскольку каждый год цена нашего авто будет увеличиваться на 5-10% по сравнению с ценой аналогичного немецкого авто, что даже при большой начальной разнице в абсолютных ценах, делает негативной дальнейшую многолетнюю перспективу такого производства. Конкуренция пока остается в «критических» для страны отраслях (например, в производстве продовольствия), где власти интенсивно поддерживают СП (равно как власти других систем поддерживают «свой» продукт на нашем рынке). В результате наше СП на своем внутреннем рынке заняло скромную нишу дешевого и часто низкокачественного продукта, и то только потому, что в этой нише импорт просто нерентабелен. Но в этой нише СП не «умирает», а продолжает развиваться, поскольку существует растущий поток спроса со стороны конечных потребителей, являющийся следствием упомянутых выше *доливов*. И этого потока с лихвой хватает, чтобы компенсировать инфляцию издержек и обеспечить интенсификацию СП. Кроме этого, в СП входят многие естественные монополии, которые просто «выжимают» деньги из конечного потребителя и этим поддерживают у себя процесс интенсификации. Следует также отметить, что в России еще производится прямая поддержка нашего СП (примером может служить «АвтоВАЗ»). В результате, СП, в целом, растет, да так, что опережает внешнеторговый оборот, что определяет *положительную* динамику степени внешней зависимости (СВЗ).

Следует отметить, что наличие упомянутых выше конкурентных преимуществ ГИ перед СП определяется *исключительно* высокой диспропорцией между «внешней» и «внутренней» инфляцией (далее по тексту – «диспаритет инфляций»), соответственно, курс рубля к этому не имеет никакого отношения! Также понятно, что изменение курса рубля (в частности, девальвация) не может *устранить* этот диспаритет.

Итак, в период относительной стабильности рубля два важных индекса процветания (индекс благосостояния и индекс СВЗ) показали положительную динамику. Это объективно показывает, что по данным направлениям на рассматриваемом интервале системе «стало лучше». По сути, власти реализовали достаточно нетривиальную комбинацию, включающую эмиссию огромного потока денег в систему, затем изъятие этих «эмиссионных» денег в бюджет, выведение излишней их части из оборота в бюджетные фонды, целенаправленное добавление оставшейся части в процессы чистого потребления (ПЧП), а затем изъятие части денег у участников в пользу естественных монополий. В результате и экономика стабильно росла, и людям стало лучше, и естественные монополии «свое получили», и попутно «накачали» резервные фонды для будущих расходов. Такое поведение властей никак нельзя назвать «бездумным», как делают сейчас некоторые яростные сторонники девальвации рубля. Однако, состояние системы нельзя назвать хорошим (хотя «стало лучше»). Еще сохраняется очень высокое абсолютное значение индекса СВЗ, а его положительная динамика явно недостаточна. Еще сохраняется основная причина слабой положительной динамики СВЗ - диспаритет инфляций, которая мешает нашему СП полноценно конкурировать с ГИ, хотя причина высокой «внутренней» инфляции вполне ясна, и как было показано выше, определяется, мягко говоря, необоснованным повышением тарифов естественными монополиями.

Следует отметить, что в данной статье рассматриваются только те индексы процветания, на которые оказывает непосредственное влияние девальвация рубля. Динамика всех индексов процветания на рассматриваемом интервале приведена в главе 10 [1].

На этом этапе становится очевидной мера, необходимая и достаточная для устранения явного «узкого» места системы - диспаритета инфляций: «заморозка» тарифов естественных монополий, которая неминуемо приведет к резкому снижению внутренней инфляции. Однако делать это нужно аккуратно, чтобы не ухудшить другие индексы процветания. В частности, нужно *запретить* монополиям снижать «разумные» расходы на производство, все вопросы развития решать за счет прибыли, а при ее отсутствии – путем увеличения уставного капитала за счет, в первую очередь, прямых инвестиций (*доливов*) со стороны государства (необходимые средства следует брать из резервного фонда). Все *доливы* должны быть грамотно рассчитаны, чтобы не вызвать инфляции спроса и диспропорций в системе.

После устранения диспаритета инфляций, СП наконец-то начнет равноправно конкурировать с ГИ. Уже этого может оказаться достаточно для начала заметного роста СП. Однако большое абсолютное значение индекса СВЗ показывает, что наше СП нуждается в дополнительной помощи. Но делать это желательно не за счет мер, приводящих к росту цен на продукт его конкурента – ГИ, поскольку это будет способствовать негативной динамике индекса благосостояния, а за счет снижения издержек СП, например, посредством мер льготного налогообложения. При этом недостающие доходы бюджета следует компенсировать грамотно рассчитанным и исполненным *доливом*.

Описанный выше способ, предполагающий устранение диспаритета инфляций и стимулирования СП путем снижения его издержек, является реальным и наиболее эффективным способом поддержки нашей экономики. Это - единственный из всех возможных способов, не предполагающий побочных эффектов, способных негативно повлиять на индекс благосостояния и индекс устойчивости. Все другие способы предполагают целенаправленно подавлять импорт и/или стимулировать экспорт, что, как будет показано ниже, в условиях России приводит к различным побочным эффектам, связанным с негативной динамикой индексов благосостояния и СВЗ. В частности, будет показано, что без устранения диспаритета инфляций любые меры по подавлению ГИ не будут приводить к существенному уменьшению потока спроса на продукт ГИ, а приведут к дополнительному росту инфляции и, соответственно, к негативной динамике индекса благосостояния.

Одним из способов, связанных с подавлением импорта, является банальное увеличение импортных пошлин. Он плохо согласуется с ВТО, однако, в случае устранения диспаритета инфляций, кроме локального ухудшения индекса благосостояния других побочных эффектов не имеет. При его использовании сначала возникнет дополнительная инфляция из-за высокой доли импорта в потреблении и отсутствия продукта СП в нишах ГИ, что вызовет некоторую негативную динамику индекса благосостояния. Но устранение диспаритета инфляций откроет возможности для реальной конкуренции, СП начнет производить продукт, по качеству не уступающий продукту ГИ, который будет попадать в ниши ГИ и вытеснять оттуда продукт ГИ за счет более низкой цены, то есть будет происходить подавление ГИ, а инфляция уменьшится из-за переключения потока спроса на качественный, но более дешевый продукт СП. В качестве ответных мер России могут ограничить кое-какой экспорт, но это только улучшит индекс СВЗ и, практически, не повлияет на индекс благосостояния, поскольку экспорт у нас пока является сырьевым, а на сырье ограничения распространять не будут. В дальнейшем, из-за роста СП потребности страны в валюте уменьшатся, что позволит уже по своей инициативе ограничить экспорт сырья, организовав его глубокую переработку внутри страны. Это позволит обеспечить хорошую положительную динамику как индексу благосостояния, так и индексу СВЗ.

5. Влияние девальвации рубля на индексы процветания

И, наконец, рассмотрим способ «помощи» нашей экономике, который очень нравится определенной группе наших экономистов (и Минфину) – это девальвация национальной валюты. Сначала просто перечислим те явления (факторы), которые вызывает девальвация рубля (см. рис.4):

1. Рост потока выручки ГЭ.
2. Рост издержек ГИ на покупку валюты.
3. Возникновение дополнительных доходов бюджета из-за переоценки валютных активов Минфина.
4. Возникновение и бурное развитие спекулятивного процесса скупки валюты.
5. Возникновение постоянного оттока капитала из-за перевода прибыли предприятий и физлиц в валюту. Соответственно, денежная часть накоплений резидентов переводится в валюту.

6. Облегчение скупки нерезидентами ресурсов России (прежде всего, предприятий сырьевой направленности).

7. Появление существенных убытков у предприятий, находящихся в «короткой» позиции по валюте. «Короткая» позиция предприятия по валюте есть отрицательная разница между его активами и обязательствами в этой валюте. Российские резиденты интегрально имели и имеют существенно «короткую» позицию по валюте. Она наращивалась с 2003 года благодаря диспаритету «внутренних» и «внешних» процентных ставок, а также тому, что Банк России фактически перестал контролировать этот параметр для банков (хотя должен был). Девальвация рубля для предприятий, находящихся в «короткой» валютной позиции, приводит к прямым убыткам из-за увеличивающихся издержек при выплате долгов.

Посмотрим, какое влияние эти факторы оказывают на индексы процветания.

Фактор 1 (рост потока выручки ГЭ) приводит к росту прибыльности ГЭ. Это может привести либо к росту инициативных инвестиций в ГЭ, что вызовет интенсификацию ГЭ (при растущем спросе на продукт ГЭ), либо интенсификации ГЭ не произойдет (поток спроса не растет), но ГЭ получит дополнительную возможность повышения расходов в пользу своих работников и собственников. В любом случае выплаты в пользу физлиц вырастут, что будет способствовать росту индекса благосостояния. Однако, рост этот коснется только физлиц, связанных с ГЭ, доля которых в общей массе работников относительно невелика (ввиду сырьевой направленности нашего экспорта). Кроме этого, в случае отсутствия интенсификации ГЭ, этот рост будет связан с увеличением выплат текущим работникам и собственникам, что, как мы знаем, происходит крайне неравномерно (львиную долю получают топ-менеджеры и мажоритарные акционеры), что «ухудшит» форму индекса благосостояния (см. рис.1).

Увеличение доходов и прибыли ГЭ приводит к росту доходов бюджета. Использование этих дополнительных доходов предполагает много вариантов. В самом лучшем случае они попадут в расходы бюджета, которые будут направлены в пользу предприятий и/или физлиц. Однако, у этих денег будет мало шансов включиться в оборот реального сектора, поскольку девальвация в России, обычно, сопровождается мощными спекулятивными процессами (фактор 4), которые оказываются гораздо более привлекательными, чем обычные производственные процессы, поэтому эти дополнительные деньги, скорее всего, будут направлены на покупку валюты. Таким образом в условиях девальвации в России дополнительные доходы бюджета не будут способствовать интенсификации системы, а «поглощаются» спекулятивным фактором 4. Итак, положительное влияние фактора 1 на индекс благосостояния оказывается очень условным. Влияние этого фактора на индекс СВЗ будет негативным (если произойдет интенсификация ГЭ, что способствует росту «числителя» индекса СВЗ), либо нейтральным (если интенсификации ГЭ не произойдет, например, из-за отсутствия роста внешнего потока спроса).

Фактор 2 (рост издержек ГИ) приведет к инфляции издержек в ГИ (то есть цены на продукт ГИ увеличатся). При этом сохраняющийся в России высокий диспаритет инфляций, приводящий к наличию разных продуктовых ниш для ГИ и СП, приведет к незначительному снижению (или даже сохранению) потока спроса на продукт ГИ. Действительно, если бы продукты СП и ГИ находились бы в одних продуктовых нишах и реально конкурировали, то тогда увеличение цен на продукт ГИ привело бы к заметному уменьшению спроса на этот продукт, поскольку этот спрос «мгновенно» переключился бы на ставший более привлекательным продукт СП, однако в нашем случае во многих нишах ГИ практически отсутствует аналогичный по качеству продукт СП, что ставит конечного потребителя перед выбором: либо перейти в более дешевую нишу низкокачественного продукта СП, либо оставаться в высококачественной нише ГИ, покупая продукт по более высокой цене. Практика показывает, что переход в более дешевые ниши низкокачественного продукта вызывает сопротивление у конечного потребителя, поскольку рассматривается как переход к более низкому уровню жизни, поэтому конечный потребитель предпочитает как можно дольше находиться в высококачественной нише ГИ, даже если это будет сопряжено с дополнительными издержками. Соответственно, издержки физлиц увеличатся, что ухудшит динамику индекса благосостояния. Сохранение потока спроса на продукт ГИ будет означать нулевое влияние данного фактора на индекс СВЗ.

Фактор 3 (переоценка валютных активов Минфина) состоит в том, что, если Минфин имеет валютные активы и курс валюты растет (что происходит при девальвации рубля), то Банк России переоценивает эти активы, а рублевую сумму переоценки *эмитирует* и направляет в бюджет. Сейчас весь резервный фонд Минфин «держит» в валюте и размер переоценки может получиться внушительным (в частности, этим девальвация рубля может быть привлекательна для Минфина). Если эта переоценка будет направлена в расходы бюджета, то это будет *долив*. В условиях девальвации рубля судьба этих *доливо*

будет такой же, как и судьба рассмотренных выше дополнительных доходов бюджета – большая их часть будет направлена на покупку валюты, то есть «поглотится» фактором 4.

Фактор 4 (спекулятивный процесс скупки валюты) вызовет мощный отток денег из оборотов реального сектора (с целью покупки валюты), поскольку прибыльность подобных спекулятивных процессов может очень сильно превышать прибыльность производственных процессов. Отток будет происходить, прежде всего, из СП, поскольку ГЭ у нас стимулируется, а в ГИ и так почти весь оборот связан с валютой. В результате оттока возникнет процесс деградации в системе. Это окажет сильное негативное воздействие, как на индекс благосостояния, так и на индекс СВЗ. Хочу обратить особое внимание на то, что данный фактор при определенных условиях может нанести системе колоссальный ущерб! Напомню, что в системе существует спекулятивный сектор, деньги которого участвуют исключительно в транзакциях купли-продажи ценных бумаг и валюты. На рис.4 он представлен объектом «необоротные деньги участников». В России размер спекулятивного сектора в 2011 году превышал размер реального сектора M_R . При девальвации рубля все эти деньги могут быть направлены на покупку валюты, поэтому, если этот процесс начнет развиваться, то его будет очень трудно остановить. Этот процесс во всей своей «красе» наблюдался при последней девальвации рубля в 2008 году.

Фактор 5 (перевод прибыли предприятий и физлиц в валюту) препятствует инвестициям в реальный сектор, что не способствует увеличению размера реального сектора и, соответственно, способствует процессу деградации. Влияние данного фактора на индексы процветания аналогично влиянию фактора 4 (возможно, масштабы влияния будут меньше).

Фактор 6 (облегчение скупки наших ресурсов) предполагает негативное влияние на индекс СВЗ, поскольку способствует скупке нерезидентами резидентских ресурсов (прежде всего, сырьевых экспортеров). Это затрудняет (или даже исключает) ограничение вывоза нашего сырья за рубеж, что способствует бесконтрольному росту такого вывоза и, соответственно, росту индекса СВЗ.

Фактор 7 («короткая» валютная позиция резидентов) приводит к убыткам для предприятий, находящихся в «короткой» валютной позиции, что способствует снижению их производства. При этом могут снизиться выплаты в пользу работников этих предприятий, что негативно скажется на индексе благосостояния. Отмечу, что в 2011 году размер «короткой» позиции резидентов РФ был достаточно большим и составлял около двух размеров реального сектора M_R !

В итоге, общий результат влияния девальвации рубля на индекс благосостояния следующий: единственный фактор 1 дает (условный) плюс, остальные – реальные и существенные минусы, а для индекса СВЗ все влияния негативны. Таким образом, можно сделать вывод, что для России с ее сырьевой экспортной ориентацией и высоким диспаритетом инфляций влияние девальвации рубля на индексы процветания оказывается существенно негативным!

Следует также отметить, что для стран, имеющих высокую долю высокотехнологического экспорта и низкий (или отсутствующий) диспаритет инфляций (например, для Японии), девальвация национальной валюты может положительно повлиять на индекс благосостояния. Однако влияние на индекс СВЗ останется негативным. Учитывая, что традиционная рыночная парадигма игнорирует понятие «устойчивость», становится понятным ее положительное отношение к девальвации национальной валюты.

Посмотрим, кто же выиграет от девальвации рубля. В выигрыше окажутся «сильные» системы, способные производить высокотехнологичный конкурентоспособный продукт, и валюта которых выросла относительно рубля. Выше было показано, что высокий диспаритет инфляций в России приведет к тому, что продукты ГИ и СП будут слабо конкурировать, продолжая оставаться в разных продуктовых нишах, поэтому девальвация рубля практически не снизит внутреннего потока спроса на импортный продукт. То есть подавления импорта (негатива для внешних систем) практически не будет! А вот явный позитив будет: внешние системы смогут больше получать нашего сырья, возможно, по более низким ценам, облегчится скупка наших (прежде всего, сырьевых) предприятий, их валюта будет использоваться в России для накоплений, что обеспечит им постоянный и беспроцентный кредит. Наша система станет еще более «слабой» и зависимой от «сильных» систем. Есть и внутренние бенефициары девальвации рубля – это относительно узкая группа собственников и высокооплачиваемых работников ГЭ, а также группа спекулянтов-инсайдеров, имеющая достоверную информацию о планах Банка России по управлению курсом рубля и, соответственно, способная выполнять безрисковые спекулятивные операции на валютном рынке. Благосостояние этих лиц вырастет, но это произойдет за счет ухудшения благосостояния всех остальных членов системы, а также за счет уменьшения устойчивости системы.

Завершая тему девальвации рубля, рассмотрим некоторое понятие, которое текущая парадигма использует для обоснования девальвации рубля. Это понятие называется «реальный эффективный курс рубля по отношению к конкретной валюте» (РЭК). РЭК есть функция двух параметров: первый показывает *индекс* номинального курса рубля по отношению к рассматриваемой валюте (отношение средневзвешенного курса рубля (к этой валюте) в текущем интервале времени к средневзвешенному курсу рубля в предыдущем интервале времени); второй параметр показывает диспаритет инфляций (в России и стране-эмитенте рассматриваемой валюты) в виде отношения индекса цен в России к индексу цен в стране-эмитенте валюты (определение индекса цен аналогично определению индекса номинального курса рубля). РЭК определяется как произведение этих параметров. Например, если в некоторый год курс рубля к доллару США снизился на 5% по сравнению с предыдущим годом (что соответствует индексу рубля 0,95), годовая инфляция в США была 1% и соответствующая инфляция в России была 10% (что соответствует диспаритету инфляций $1,1:1,01=1,089$), то РЭК для этого года по доллару США составит $0,95*1,089=1,035$, что трактуется как повышение реального эффективного курса рубля к доллару США на 3,5%. РЭК подсчитывается для каждой валюты, после чего определяется «обобщенный» РЭК как «геометрическое взвешенное среднее» РЭК для всех валют (взвешивание производится по оборотам этих валют в рассматриваемом периоде). Предполагается следующая интерпретация значений РЭК: если РЭК показывает укрепление эффективного курса рубля, то это означает негативное воздействие на систему, если ослабление – позитивное. Такая интерпретация РЭК содержит серьезные ошибки. Во-первых, она предполагает взаимно компенсирующее влияние на систему двух факторов: изменения номинального курса рубля и диспаритета инфляций. Выше было показано, что это совсем не так (девальвация рубля не компенсирует стимулирование импорта, вызванного диспаритетом инфляций). Во-вторых, она совершенно игнорирует многочисленные побочные эффекты девальвации, отмеченные выше. Но самая серьезная ошибка заключается в том, что данная интерпретация РЭК стирает границу между способами достижения положительной динамики РЭК. В России в периоды относительной стабильности рубля наблюдалась высокая инфляция, соответственно РЭК показывал укрепление реального курса рубля, что трактовалось как негативное влияние на систему. В соответствии с определением РЭК, улучшить его значение можно двумя основными способами: уменьшить диспаритет инфляций или девальвировать рубль. Опасность интерпретации РЭК заключается в том, что она предполагает *эквивалентность* этих способов. Выше было показано, что этой эквивалентности нет и в помине, поскольку способ, связанный с устранением диспаритета инфляций, предполагает существенно позитивное воздействие на систему, а способ, связанный с девальвацией рубля – существенно негативное. Большинство известных автору экономистов почему-то выбирают способ, связанный с девальвацией рубля. Это может быть связано с тем, что девальвировать рубль проще, чем устранять диспаритет инфляций, также автор не исключает влияния бенефициаров девальвации рубля, указанных выше. Сказанное позволяет утверждать, что использование РЭК способствует совершению серьезных системных ошибок. Поэтому вместо РЭК автор рекомендует использовать следующее простое правило: устранять диспаритет инфляций (без негативного влияния на индекс благосостояния) при обеспечении стабильности номинального курса рубля.

Печально то, что весь описанный выше негатив от девальвации рубля наша страна испытала на себе в 2008 году, когда она «на ровном месте» попала в глубокий кризис. К сожалению, процессы 2008 года не получили должного освещения. Более того, предпринимаются новые попытки осуществить искусственную девальвацию рубля. Поэтому имеет смысл, хотя бы коротко, рассмотреть эти процессы (более подробно они описаны в главе 10 [1]).

6. Итоги периода 2000-2008 годов

Сначала коротко подведем итоги рассмотренного выше предкризисного периода экономики России. На всем этом периоде имел место процесс интенсификации (ВВП устойчиво рос со средней скоростью 6,9% в год). Этот процесс имел место благодаря постоянным кредитным и некредитным *доливам*.

Кредитный *долив* осуществлялся из объекта «эмиссия банков» (см. рис.4). Этот *долив* имел две составляющие: потребительский *долив* (рост задолженности по потребительским кредитам физлицам) и производственный *долив* (рост задолженности по кредитам предприятиям). Эффективность потребительского *долива* является очень высокой, поскольку добавляемые деньги идут непосредственно на потребление. Эффективность производственного *долива* является относительно низкой, поскольку добавляемые деньги имеют много причин не включиться в оборот реального сектора (например, они могут

сразу оказаться в секторе спекуляций). В рассматриваемый период преобладал производственный *долив* (за исключением первой половины 2008 года), поэтому общая эффективность кредитного *долива* была низкой.

Первичным источником некредитных *доливов* был объект «некредитная эмиссия ЦБ» (см. рис.4). Сам *долив* осуществлялся в результате достаточно сложной комбинации: Банк России имитировал рубли в процессе скупки «избыточной» валюты; «эмиссионные» рубли поступали к экспортерам, откуда изымались в бюджет посредством налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ) и экспортных пошлин; в бюджете часть этих «эмиссионных» денег выводилась из оборота в бюджетные фонды, а оставшаяся часть направлялась в расходы; она и образовывала некредитный *долив*. Эффективность этого *долива* была достаточно высокой, поскольку он направлялся в пользу относительно малообеспеченных слоев населения (бюджетников и пенсионеров), которые предпочитают большую часть своих дополнительных доходов направлять на потребление.

В 2007 году возник еще один, но уже неуправляемый некредитный *долив*. Он возник в результате мощного *притока* капитала, начавшегося после присвоения России кредитных рейтингов и был обусловлен диспаритетом внешних и внутренних кредитных ставок (сильно связан с диспаритетом инфляций). Этот диспаритет делает привлекательной (при стабильном рубле) операцию по привлечению займов в валюте, конвертации валюты в рубли и использованию рублей по назначению. Источником этого *долива* был тот же объект «некредитная эмиссия ЦБ», только в этом случае «эмиссионные» рубли попадали не в узкую группу экспортеров, а в очень широкую группу участников, что не позволило использовать описанный выше способ выведения этих эмиссионных денег в бюджет. В результате возник мощный неконтролируемый *долив* в систему.

Кредитные *доливы* и управляемый некредитный *долив* оказали положительное влияние на систему. Они вызвали процесс интенсификации, который сопровождался заметной положительной динамикой индекса благосостояния (см. рис.1). Основной «вклад» в нее внес управляемый некредитный *долив*, который можно рассматривать как удачное системное управляющее воздействие властей. К сожалению, других удачных системных воздействий не наблюдалось. В частности, почти полностью отсутствовало управление устойчивостью. Положительная динамика индекса СВЗ, отмеченная выше, могла быть значительно больше, если бы была устранена существенная диспропорция – диспаритет инфляций. Выше было показано, что для этого достаточно было предпринять ряд простых управляющих воздействий: заморозить тарифы естественных монополий и предпринять меры, исключаящие снижение их «разумных» расходов (развитие производить не за счет повышения тарифов, а за счет инвестиций). Кроме этого, в системе развивались и другие опасные диспропорции. Одна из них – образование у резидентов существенной «короткой» валютной позиции. Эта диспропорция, во многом, обусловлена диспаритетом внутренних и внешних кредитных ставок и опасна тем, что, ее усиление может быть сопряжено с притоком капитала (это случилось в 2007 году и привело к неконтролируемому *доливу*), а уменьшение вызывает отток капитала, который, в свою очередь, может вызвать *отлив* денег из реального сектора и запустить процесс деградации (это происходит, в частности, при девальвации рубля, приводящей к убыткам участников в «короткой» валютной позиции). Плохо то, что Банк России по существующим правилам должен был контролировать эту диспропорцию для банков (лимит открытой валютной позиции), но с 2003 года фактически не делал этого. Кроме этого, в системе развивалось еще несколько неконтролируемых диспропорций (полный их список приведен в главе 10 [1]). Наиболее серьезная из них связана с большим размером спекулятивного сектора и его опережающим ростом по сравнению с реальным сектором. Большое значение этой диспропорции определяет высокий риск дестабилизирующих спекулятивных эксцессов (в частности, на валютном рынке). Кроме этого, в [1] показано, что спекулятивный сектор растет за счет реального сектора, что способствует деградации последнего.

Интегральный результат управления в рассматриваемый период можно сформулировать следующим образом. Осуществлен удачный управляемый некредитный *долив*, обеспечивший заметное улучшение индекса благосостояния; важный индекс устойчивости СВЗ показал положительную динамику, но результат мог быть значительно лучше, если бы был устранен диспаритет инфляций и была организована системная помощь собственному производству (посредством уменьшения его издержек); был допущен неконтролируемый рост серьезных диспропорций: «короткой» валютной позиции резидентов и размера спекулятивного сектора, что следует рассматривать как серьезные системные ошибки управления. Они негативно сказались на устойчивости системы. Кроме этого, расширение «короткой» валютной позиции в 2007 году, сопровождавшееся притоком капитала, привело к неконтролируемому некредитному *доливу* в

систему. Негативное влияние данных диспропорций в полной мере проявилось во время мирового кризиса 2008 года.

7. История 2008 года

Кратко рассмотрим историю 2008 года. Реальные серьезные проблемы в экономике России появились в начале 2008 года, когда стало явно проявляться влияние мощного неуправляемого некредитного *долива*, вызванного притоком капитала в 2007 году. Этот *долив* в течение относительно короткого времени принял форму высокоэффективного потребительского *долива* (грубо говоря, денег стало очень много и банки начали интенсивно развивать потребительское кредитование). Вспомним, что в это время продолжал осуществляться управляемый некредитный *долив*, обеспечивавший постоянно растущий поток спроса со стороны физлиц и, соответственно, общий процесс интенсификации в системе. Дополнительный высокоэффективный *долив* существенно усилил и без того существенный поток спроса. Этот дополнительный поток спроса буквально «обрушился» на ГИ и СП. Причем больше всего «досталось» ГИ, поскольку потребительский *долив* открыл возможность для относительно малообеспеченных физлиц перейти из дешевых потребительских ниш в более дорогие, где преобладал импорт. Рост потока спроса был таким большим, что даже ГИ, получая импорт из очень емкого мирового рынка, не смогла адекватно на него отреагировать (локально вышла на максимальную загрузку). В результате в России впервые за многие годы возникла инфляция спроса.

В соответствии с рыночной парадигмой за инфляцию отвечает Банк России. В данной ситуации он должен был «собрать излишнюю рублевую ликвидность» путем специальных «операций на открытом рынке», например, размещая свои облигации. Однако вместо подобных действий Банк России повышал ставку рефинансирования (видимо, отслеживая рост инфляции), что еще сильнее стимулировало приток капитала, который и привел к этому росту! Инфляция продолжала расти, Банку России необходимо было предпринимать какие-либо меры. Последовавшие далее события позволяют предположить, что в качестве таких мер Банк России мог рассматривать девальвацию рубля, которая при определенных условиях может обеспечить сбор «рублевой ликвидности». Следует отметить, что Банк России никогда не был заинтересован в ослаблении номинального курса рубля, поскольку в условиях России это приводит к повышению инфляции (за которую он отвечает). Девальвация рубля привлекательна для Банка России только возможностью изъятия у участников большого количества рублей. А для этого подходит не всякая девальвация, а такая, при которой большое количество участников вовлекается в этот процесс. В частности, быстрая и глубокая девальвация не соответствует данному требованию. В тот момент времени взгляды Банка России и Правительства на девальвацию могли частично совпасть (выше было показано, что Правительство всегда плохо скрывало свою заинтересованность в девальвации рубля). Однако устроить девальвацию «на ровном месте» с вовлечением большого количества участников непросто. Нужен веский повод. И этот повод появился в связи с событиями вокруг Южной Осетии в начале августа 2008 года. На этом фоне возник повышенный локальный спрос на валюту внутри России. Не могу утверждать, что Правительство как-то провоцировало этот спрос, но почему-то именно в это время оно затеяло перевод больших объемов резервного фонда в валюту. Очевидно, что рассматриваемый локальный спрос на валюту носил исключительно спекулятивный характер, поскольку отсутствовали какие-либо фундаментальные причины для девальвации рубля (имели место высокие цены на нефть, огромные валютные резервы и, что самое главное, фундаментальная часть платежного баланса – баланс текущего счета – была существенно профицитной). Поэтому, действуя в интересах системы, Банк России должен был просто подавить этот локальный спрос интервенциями. Именно для этого и существуют валютные резервы. Но Банк России этого не сделал. Он «позволил» рублю плавно падать (см. рис.5.). Это позволял его «коридорный» механизм управления курсом рубля. Суть этого механизма заключается в том, что Банк России регулирует курс рубля относительно некоторой «корзины» валют, включающей доллар и евро. Регулирование заключается в обеспечении нахождения курса рубля к корзине в некотором «коридоре» значений. Выход за границы коридора пресекается интервенциями, также интервенции возможны и внутри коридора. Кроме этого, Банк России оставляет за собой право изменять границы коридора. В начале августа 2008 года курс рубля находился на верхней границе коридора и Банк России позволил ему плавно опуститься вниз (большой размер коридора позволил это сделать).

Рис. 5. Курс доллара США к рублю в период искусственной девальвации рубля 2008 – 2009 годов.

Так или иначе, но с первой декады августа по первую декаду сентября 2008 года наблюдалась плавная девальвация рубля со спекулятивной доходностью (к доллару) около 50% годовых (см. рис.5). Это заставило большое количество участников включиться в покупку валюты. Сначала это сделали участники, закрывавшие свои ставшие убыточными «короткие» валютные позиции, затем подключились спекулянты, привлеченные высокой доходностью операций. Основным продавцом валюты в этот период был Банк России, что позволило ему вывести из системы достаточно большое количество рублей (за первые две недели сентября он продал около 17 млрд.долл.). Можно сказать, что Банк России решил «свою» проблему по сбору «излишней рублевой ликвидности», вызывавшей рост инфляции, и ему можно останавливать девальвацию рубля, поскольку она сама по себе вызывает инфляцию. Но тут вмешался мировой финансовый кризис.

Во всем мире резко вырос спрос на доллар США, поскольку массово начали не исполняться обязательства, которые были номинированы именно в этой валюте. В России к этому времени уже активно шел спекулятивный процесс роста доллара по отношению к рублю. Мировой кризис придал ему новый очень мощный импульс. Теперь Банк России, по-видимому, пытался остановить процесс девальвации рубля путем сильных интервенций, однако делал это в рамках своего механизма, предполагающего «держат» корзину валют. Он успешно это делал, но внутри корзины доллар постоянно рос по отношению к евро. Это привело к тому, что при фиксированном курсе корзины к рублю курс доллара к рублю продолжал расти теми же темпами! Это не только не ослабило, но усилило *спекулятивный* процесс девальвации рубля по отношению к доллару. Получилось так, что «держа свою корзину», ЦБ потратил большое количество валютных резервов и только усилил спекулятивный процесс девальвации рубля!

Тем временем ситуация в РФ резко ухудшилась. Сильный избыток рублевой ликвидности сменился *полным* ее отсутствием. Было ощущение, что все свободные рублевые средства предприятий и физических лиц шли на покупку валюты. Ситуацию усугубили сообщения властей о том, что резкой девальвации не будет, что было однозначно расценено как предупреждение о том, что будет «плавная» девальвация. Власти тем временем «в поте лица» изыскивали для системы рублевую ликвидность, которая немедленно уходила на покупку инвалюты. Это было похоже на ситуацию, когда велосипедист, проколов шину, пытается ее накачать, не заделав «дыру»: ему с очень большим трудом удается поддерживать хоть какое-то давление в шине, поскольку воздух продолжает беспрепятственно выходить через «дыру». Такого велосипедиста назвали бы, как минимум, неадекватным. Однако власти РФ без смущения выполняли подобные действия фактически с самого начала мирового кризиса (уменьшили нормативы резервирования, разместили на депозитах банков дополнительные средства Правительства и, наконец, начали выдавать «беззалоговые» кредиты). Возникает вопрос: почему же не заткнули эту «дыру»? Ведь факты и здравый смысл говорят, что спрос на инвалюту был и всегда оставался спекулятивным! Даже в самый разгар кризиса, когда цена на нефть упала до 30 долл. за баррель, баланс текущего счета РФ продолжал оставаться профицитным. И даже если бы он стал дефицитным, совершенно очевидно, что резкое падение цены на нефть – это результат спекулятивного процесса на мировом уровне, такое падение цены не соответствовало реальному падению потребления нефти и при современном устройстве мировых финансов с постоянными огромными

денежными *доливами* цены на сырье объективно должны расти. То есть фундаментальных оснований для роста спроса на доллар в России не было. Это значит, что данный спрос носил чисто спекулятивный характер, то есть доллар покупали потому, что цена на него росла. Соответственно, этот процесс можно было остановить, остановив рост цены на доллар, а еще лучше - сделав так, чтобы цена на него устойчиво и неуклонно снижалась. Это можно было сделать посредством интервенций (валютных резервов хватало с большим запасом). Однако Банк России поступил по-другому: он стал раздвигать границы коридора, провоцируя дальнейшую девальвацию рубля. Курс доллара стал расти с еще большей скоростью.

Процесс девальвации рубля завершился в феврале 2009 года, когда Банк России заявил, что больше раздвигать границы коридора не намерен. Далее процесс пошел в обратную сторону: спекулянты фиксировали прибыль, продавая доллары, – курс рубля стал расти, но тут опять вмешался ЦБ: он стал откупать валюту, препятствуя укреплению рубля. Валюта откупалась по существенно более высокому курсу, чем курс, по которому Банк России еще недавно ее продавал. Учитывая то, что за весь период девальвации баланс текущего счета России оставался профицитным, это означает, что Банк России «зафиксировал» искусственную девальвацию рубля.

В результате описанного спекулятивного процесса девальвации рубля возник мощный *отлив* денег из реального сектора. Это произошло потому, что процессы чистого потребления и производственные процессы переводили в валюту не только свои рублевые накопления, но и часть рублевых средств, находившихся в обороте реального сектора. Тогда было ощущение, что разумная экономическая деятельность остановилась. Был замечен только один доминирующий процесс - спекулятивная покупка валюты. В системе начался сильнейший процесс деградации, производство некоторых видов промышленной продукции сократилось на 50% и более, общее сокращение ВВП со 2 квартала 2008 по 2 квартал 2009 годов составило более 10%! Все накопления участников опять оказались в валюте на радость «сильным» системам и в подтверждение «слабости» России.

Проведя девальвацию рубля и получив в результате мощный процесс деградации, а также более мелкий негатив в виде существенных убытков участников, находившихся в «короткой» валютной позиции, и высокой безрисковой прибыли спекулянтов-инсайдеров, власти начали лечить систему проверенным ранее способом – осуществили сильный и высокоэффективный *долив* в низкообеспеченные процессы чистого потребления (бюджетники и пенсионеры), а также реализовали обширную программу прямой поддержки предприятий. В результате процесс деградации удалось погасить и возродить процесс интенсификации. Однако произошло это на другом, более низком уровне. В частности, большой ущерб понесло собственное производство, что подтверждается достаточно резким негативным трендом индекса СВЗ, который показывает, что после кризиса внешнеторговый оборот восстанавливался существенно быстрее собственного производства (см. рис.3).

События 2008 года наглядно демонстрируют ошибки Банка России в управлении курсом рубля. Совершенно очевидно, что девальвацию нельзя использовать для достижения каких-либо целей, например, для сбора «излишней» ликвидности. По степени опасности это можно сравнить с попытками удаления разлитого бензина на бензоколонке путем его выжигания. А если произошел взрыв и возник пожар, то его нельзя гасить, подливая масла в огонь. Другими словами, суть управления курсом рубля должна состоять в полном и жестком подавлении спекулятивной составляющей этого курса. Это можно легко сделать, если поставить границы валютного коридора в жесткую зависимость от фундаментальной составляющей платежного баланса – баланса текущего счета, а размеры коридора существенно уменьшить (более конкретно это описано в п.11.4.1.[1]). Если бы Банк России в сентябре 2008 года жестко подавил спекулятивный процесс девальвации рубля, а Правительство произвело бы *доливы* из резервного фонда, компенсирующие снижение доходов бюджета от падения экспорта, Россия бы просто не заметила мирового кризиса.

К сожалению, Банк России не сделал надлежащих выводов из событий 2008 года. Он фактически самоустранился от системного управления курсом рубля, дополнив свой механизм возможностью автоматического расширения валютного коридора. Получившийся вариант принципиально не в состоянии подавлять спекулятивную составляющую курса, он может только «сглаживать» текущий курс. В результате ЦБ будет тратить валютные резервы на «сглаживание» курса, не подавив спекулятивную составляющую. Это худшее, что можно придумать. В обоснование такого подхода часто приводят утверждение, что при «сглаживании» происходит фильтрация, при которой как раз и выделяется требуемая фундаментальная составляющая курса. Данное утверждение достаточно наивно и постоянно опровергается на практике, поскольку при анализе спекулятивных рынков уже многие годы используется огромное количество

вариантов фильтрации «ценового» сигнала и еще никто не смог эффективно выделить «фундаментальный тренд», полностью удалив спекулятивную составляющую. По крайней мере, алгоритм, используемый Банком России, однозначно не сможет этого сделать. Здесь возникает вопрос: для чего искать *косвенный* способ выделения и подавления спекулятивной составляющей курса рубля, если существует очевидный *прямой* способ это сделать? Для этого достаточно сравнить движение курса, которое *должно* происходить под воздействием фундаментальных факторов (счета текущих операций), и *текущего* движения. Если состояние счета текущих операций не предполагает фундаментального изменения курса рубля, то он может колебаться в рамках валютного коридора, а если предполагает – то изменяются границы коридора. В [1] показано, что баланс текущего счета является важным индексом устойчивости и им нужно грамотно управлять, устраняя причины, приводящие к его негативной динамике. При таком управлении изменение границ коридора будет чрезвычайно редким явлением и вопрос с девальвацией рубля может быть окончательно закрыт.

К сожалению, «доработанный» механизм Банка России оставляет все возможности для спекулятивных атак на рубль. В конце 2011 года на фоне очередных проблем в США спекулянты предприняли очередную попытку «покачать» рубль. И, к радости спекулянтов, ЦБ посредством своего «доработанного» механизма позволил им делать все, что те хотели! Такое поведение Банка России убедило участников в том, что он не намерен в дальнейшем выполнять свою конституционную функцию по обеспечению стабильности рубля. Это привело к тому, что участники, продолжавшие после кризиса 2008 года оставаться в «короткой» валютной позиции, окончательно решили ее закрыть, что в 2011 году определило достаточно объемный и растущий отток капитала, поскольку общая «короткая» валютная позиция участников оставалась еще очень существенной. Этот отток внес свой негативный вклад в наблюдающийся сейчас процесс замедления экономики России.

8. Причины текущего замедления экономики России

С начала 2013 года темпы роста ВВП России стали заметно замедляться. Вместо прогнозных 4% в год (базовый сценарий) во втором квартале 2013 года получили всего 1,2%. Результат хуже самого негативного сценария. И это при вполне благоприятных внешних условиях, которые по ряду направлений (цены на энергоносители) оказались даже выше прогнозов. Из этого можно сделать однозначный вывод: прогнозисты в очередной раз ошиблись, и эта ошибка кроется в процессах, происходящих внутри России. Соответственно, напрашивается вывод о том, что власти недостаточно хорошо (или просто плохо) представляют эти процессы. Данный вывод подтверждается совершенно невнятным объяснением причин этого замедления. Из всего, что говорилось властями по этому поводу, просматриваются четыре более-менее конкретные причины: а) слишком «сильный» рубль в условиях сохраняющего высокого значения отношения инфляции в России к инфляции в странах-эмитентах инвалют (это подается как «укрепление реального эффективного курса рубля»), б) рост процентных ставок по кредитам, в) система вышла на некий предел загрузки своих ресурсов, г) продолжающееся пополнение бюджетных фондов согласно «бюджетному правилу».

Сразу бросается в глаза тот факт, что упомянутые здесь в качестве причин факторы имели и имеют свою более-менее обычную динамику, а система демонстрирует резкое замедление роста ВВП. У нас и раньше (с 2000 года) курс рубля был относительно стабилен при высокой инфляции (2008 год – исключение), процентные ставки всегда были стабильно высокими, загрузка мощностей до 2008 года и после имеет похожую возрастающую динамику, бюджетные фонды всегда регулярно пополнялись. А темпы роста ВВП вдруг резко начали снижаться с конца 2012 года. Поэтому, выдавая данные факторы за причины замедления, власти фактически признают, что неверно оценивали их влияние на систему. Однако объяснить, почему данные факторы в отдельности или в совокупности стали по-другому влиять на систему они не могут. В этом заключается «невнятность» объяснения. Другими словами, объективно обосновать, почему данные причины привели к снижению темпов роста, они не могут. Пока такого обоснования не появится, данные причины можно рассматривать как необоснованные предположения.

В данной ситуации нет особого смысла оценивать степень истинности или ложности указанных выше причин (хотя ложность причины а) подробно обоснована в данной статье). Проще провести объективный анализ и выявить реальные причины замедления экономики, поскольку используемое в данной статье представление о поведении рыночных систем позволяет легко это сделать.

Действительно, наблюдаемое снижение темпов роста ВВП означает, что развитие процесса интенсификации в реальном секторе экономики России замедляется. Выше было показано, что

необходимым условием развития процесса интенсификации является *долив* денег в систему. Интенсификация происходит тогда, когда часть *долитых* денег попадает в реальный сектор и «усваивается» в нем, постоянно увеличивая его размер. Таким образом, если есть проблемы с процессом интенсификации, то, в первую очередь, необходимо разобраться с тем, что происходит с *доливом* денег в систему и какова их эффективность (какая часть *долива* «усваивается» в реальном секторе).

Выше было показано, что в России существует два источника *доликов* денег в систему (см. рис.4): объект «некредитная эмиссия ЦБ» - обеспечивает некредитные *доливы* и объект «эмиссия банков» - обеспечивает кредитные *доливы*. В период 2000-2008 годов наблюдались некредитные *доливы* двух типов: управляемый (когда «эмиссионные» деньги Банка России сначала изымались в бюджет и уже после этого целенаправленно доливались непосредственно в реальный сектор) и неуправляемый (был вызван притоком капитала в 2007 году, «эмиссионные» деньги направлялись большому количеству участников и не всегда попадали в реальный сектор). Управляемый некредитный *долив* имел высокую эффективность, неуправляемый – низкую. Кредитные *доливы* также были двух типов: потребительские (связаны с ростом задолженности физлиц, имели высокую эффективность) и производственные (связаны с ростом задолженности предприятий, имели относительно низкую эффективность).

После кризиса 2008 года приток капитала не наблюдался, более того – начался достаточно сильный его отток (причины описаны выше), поэтому неуправляемый некредитный *долив*, вызываемый притоком капитала, исчез. Управляемый некредитный *долив* и оба вида кредитных *долива* сохранились. Рассмотрим их более подробно. На рис. 6 изображена годовая динамика этих *доликов*.

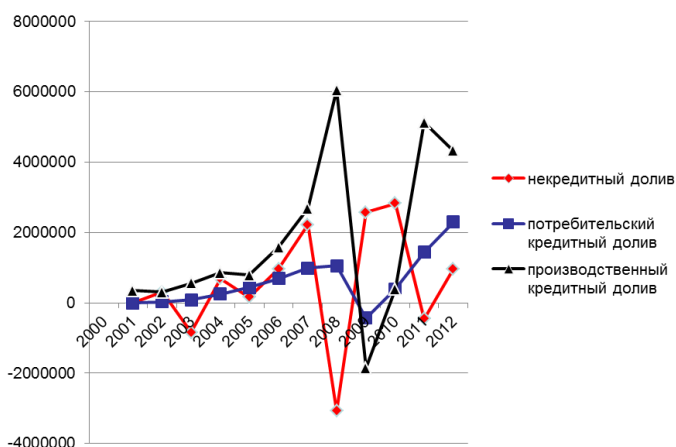

Рис.6. Ежегодное добавление денег в систему – доливы (млн.руб.)

Из рисунка видно, что в 2011-2012 годах управляемый некредитный *долив* очень сильно уменьшился по сравнению с 2009-2010 годами. Этот *долив* составляет фундаментальную основу постоянного роста реальных доходов физлиц, поскольку, во-первых, он направлялся (и направляется) преимущественно в пользу малообеспеченных слоев населения и, во-вторых, доливаемые деньги навсегда поступают в собственность физлиц (их не нужно отдавать). Поэтому один только факт его резкого уменьшения однозначно означает наличие негативного влияния на процесс интенсификации, поскольку это означает резкое снижение «базы» для роста потока спроса со стороны физлиц.

Рассмотрим кредитные *доливы*. Выше было показано, что производственный кредитный *долив* (увеличение кредитной задолженности предприятий) обладает достаточно низкой эффективностью (только небольшая их часть «усваивается» в реальном секторе). Это можно объяснить тем, что предприятия берут кредиты, в основном, для инвестиций, а инвестиции могут быть направлены как в реальный сектор, так и в сектор спекулятивный. Действительность показывает, что в спекулятивном секторе есть много потенциальных возможностей быстро и с малыми затратами получить хорошую прибыль, поэтому участники все чаще стали оказывать этому сектору предпочтение. В результате большая часть производственного кредитного *долива* направляется в спекулятивный сектор, а в реальный сектор попадает только та часть, которая обусловлена необходимостью ответить ростом производства на рост потока спроса. То есть влияние производственного *долива* на реальный сектор есть следствие других *доликов*, непосредственно влияющих на поток спроса (рассмотренного выше управляемого некредитного *долива* и потребительского кредитного *долива*).

Рассмотрим потребительский (кредитный) *долг*. Как и управляемый некредитный *долг*, он сильно влияет на поток спроса со стороны физлиц, однако суть этих *долгов* сильно различается. Некредитный *долг* обеспечивает прочную «базу» этого спроса, поскольку основан на «заработанных» деньгах, которые не нужно отдавать. Некредитный управляемый *долг* (при определенной организации) может происходить бесконечно. Потребительский (кредитный) *долг* является неуправляемым и, обычно, представляет собой конечный (переходный) процесс. На рис. 7а изображена примерная динамика задолженности физлиц России. Рост этой задолженности является источником потребительского *долга*.

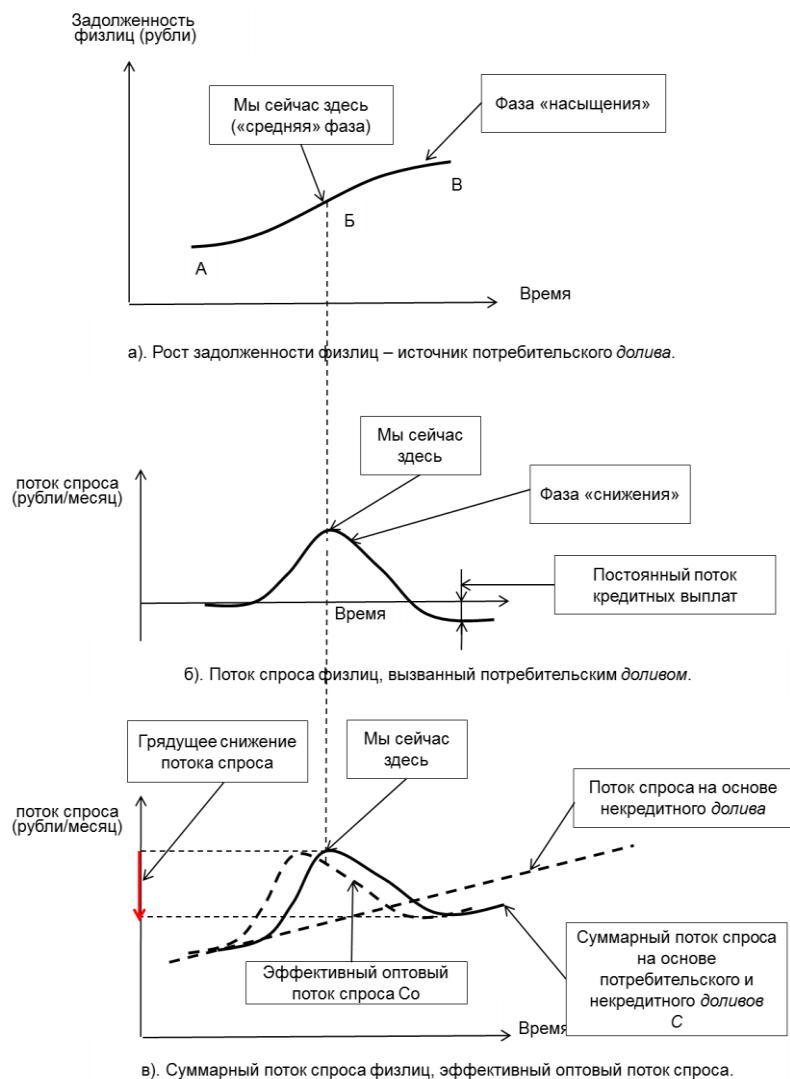

Рис.7. Иллюстрация влияния переходного процесса кредитования физлиц на суммарный поток спроса со стороны физлиц.

Можно считать, что процесс потребительского *долга* начался в точке А (сразу после кризиса 2008 года). В интервале А-Б наблюдается резкий рост задолженности физлиц. Этот рост обусловлен интенсивным освоением физлицами потребительского кредитования. Однако этот рост не может быть безграничным, поскольку правила потребительского кредитования требуют постоянно возвращать часть тела кредита и часть процентов. Эти возвраты формируют постоянный поток выплат. При непрерывном росте задолженности постоянный поток выплат также будет расти. Если рост потока выплат будет опережать рост потока (некредитных) доходов физлиц (что обычно происходит из-за «взрывного» характера роста кредитной задолженности), то в определенный момент времени доля потока выплат в текущих доходах может стать такой большой, что физлица не смогут полноценно осуществлять свои обычные текущие расходы. В этом случае физлица будут вынуждены ограничить рост своей кредитной задолженности. Таким образом, кривая роста задолженности физлиц рано или поздно выходит в фазу «насыщения» (интервал Б-В на рис.7а).

Из кривой роста задолженности физлиц можно получить кривую, показывающую, сколько денег добавляется в систему в каждый момент времени. Эта кривая изображена на рис.7б. Она и представляет

процесс потребительского *долива*. Одновременно она представляет динамику потока спроса, вызванного потребительским доливом (поскольку все долитые деньги, по определению, идут на потребление). Мы видим, что после выхода кривой задолженности физлиц в фазу «насыщения» (после точки Б), соответствующий ему поток спроса начинает испытывать снижение и в точке В опускается ниже первоначального потока спроса в точке А. Это связано с тем, что в точке В отсутствует какое-либо увеличение кредитной задолженности (связанный с ним *долив* равен нулю), но присутствует постоянный поток кредитных выплат. Из рис. 7а,б видно, что переход кривой задолженности физлиц в фазу «насыщения» вызывает переход кривой потребительского *долива* в фазу «снижения».

Общий поток спроса физлиц к реальному сектору есть сумма потоков спроса, вызываемых потребительским *доливом* и управляемым некредитным *доливом* (кривая «С» на рис.7в). Из рисунка видно, что на интервале Б-В имеет место существенное снижение общего потока спроса, что неизбежно приведет к снижению интенсивности производственных процессов в реальном секторе и, соответственно, к снижению ВВП.

Возникает вопрос: где наша система находится сейчас? Есть основания считать, что сейчас система находится в точке Б, то есть она входит в фазу «снижения» потребительского *долива*. Это подтверждает кривая эффективного потока спроса оптовых посредников к производителям (пунктирная кривая «Со» на рис.7в). В точке Б она уже демонстрирует спад, что и определяет текущее замедление темпов роста. Кривые «С» и «Со» всегда имеют примерно одну и ту же форму, поскольку они показывают потоки спроса для предприятий розничной и оптовой торговли, которые последовательно связаны между собой. В данном случае кривая «Со» оказалась сдвинута влево относительно кривой «С». Это возможно, поскольку розничная и оптовая торговля не могут работать полностью синхронно. В данном случае розничная торговля после кризиса 2008 года переоценила перспективы наблюдаемого роста потока спроса и организовала несколько больший поток спроса к оптовикам, которые оттранслировали его в производство. В результате складские запасы розничных торговцев пополнялись быстрее, чем опустошались. Сейчас мы наблюдаем ситуацию, когда по определенным видам продукта склады розничных торговцев переполнились, и розничные торговцы вынуждены были снизить поток спроса к оптовикам, оптовики снизили поток спроса к производителям, производители снизили производство.

Таким образом, имеет место банальная ситуация: после кризиса 2008 года система росла немного быстрее, чем этого требовал поток спроса со стороны конечных потребителей. Этот дополнительный рост организовали (за свой счет) розничные торговцы. Однако оптимизм «розницы» не оправдался и поток спроса со стороны конечных потребителей оказался несколько меньше ожидаемого, поэтому им пришлось ограничить поток спроса к оптовикам, а это значит, что кривая «Со» уже прошла свой максимум и находится «на спаде». Соответственно, можно ожидать, что основная кривая «С» уже подходит к своему максимуму, то есть система действительно входит в фазу «снижения» потребительского *долива*. Последнее косвенно подтверждается тем, что доля кредитных выплат в расходах физлиц, обеспечивающих наибольший спрос, достигла очень больших значений (по некоторым оценкам, более 30%) что очень затрудняет наращивание кредитной задолженности теми же темпами. Таким образом, есть объективные основания считать, что Россия реально находится в начале падения, изображенного на рис. 7в.

Переходу процесса потребительского *долива* в фазу «снижения» способствовало уменьшение роста реальных доходов населения из-за резкого уменьшения описанного выше управляемого некредитного *долива*. Причина резкого уменьшения некредитного *долива* заключается в наличии ошибки в так называемом «бюджетном правиле», определяющим механизм формирования резервного фонда. В соответствии с этим правилом количество денег, выводимых в резервный фонд, определяется только одним параметром – превышением текущей цены на нефть над некоторой расчетной ценой. Напомню, что выводить деньги из оборота реального сектора в фонды без ущерба для системы можно только в том случае, если эти деньги являются «эмиссионными» (иначе выводимые деньги будут изыматься из реального сектора, что запустит процесс деградации). Эти «эмиссионные» деньги возникают в результате скупки Банком России «излишней» валюты, образующейся из-за постоянного профицита платежного баланса. Количество таких «эмиссионных» денег зависит от платежного баланса, который, в свою очередь, зависит *не только* от цены на нефть, но и от других параметров (в частности, от размера оттока капитала). После 2011 года в России возник существенный отток капитала, который существенно уменьшил профицит платежного баланса и, соответственно, уменьшил поток «эмиссионных» рублей. Однако, цены на нефть не изменились и, в соответствии с бюджетным правилом, в фонды продолжали выводиться все те же объемы денег, что привело к уменьшению реального количества эмиссионных денег, добавляемых в систему. Кроме

этого, профицит платежного баланса уменьшался (и уменьшается) еще и по другой причине – из-за постоянного уменьшения профицита торгового баланса, что происходит за счет постоянного преобладающего роста импорта по сравнению с экспортом. Последнее происходит *исключительно* из-за хронически высокого диспаритета инфляций. Этот вопрос был подробно рассмотрен выше, где было показано, что а) номинально стабильный рубль не является причиной этого явления, б) устранить это явление путем девальвации рубля невозможно и в) попытки *компенсировать* это явление путем девальвации рубля приводит к серьезному ущербу для экономики России.

Таким образом, причиной резкого уменьшения управляемого некредитного *долива* явилось резкое уменьшение рублевой эмиссии Банком России при сохранении больших изъятий денег в бюджетные фонды.

Конечными причинами уменьшения рублевой эмиссии Банком России явились а) отток капитала, начавшийся в 2011 году, и б) высокий диспаритет инфляций, вызывающий ухудшение торгового баланса за счет преимущественного роста импорта. Данные причины не были учтены в бюджетном правиле, что явилось серьезной системной ошибкой управления. Кроме этого, упомянутый выше отток капитала, явился следствием нескольких последовательных системных ошибок. Первая была сделана в 2003 году, когда Банк России фактически перестал контролировать валютную позицию банков, что способствовало массовому переходу резидентов в «короткую» валютную позицию. Вторая была сделана в 2008 году, когда Банк России произвел искусственную девальвацию рубля, что привело к огромным убыткам резидентов с «короткой» валютной позицией. Третья была сделана сразу после кризиса 2008 года, когда Банк России, модифицировав свой алгоритм управления курсом рубля, фактически самоустранился от выполнения конституционной функции обеспечения стабильности рубля, что окончательно убедило резидентов в необходимости полностью закрыть свои «короткие» валютные позиции и определило текущий отток капитала. Серьезной системной ошибкой властей является также нежелание или неумение устранить высокий диспаритет инфляций, тогда как причина высокой внутренней инфляции достаточно очевидна – нерыночное повышение цен естественными монополиями.

На этом этапе становится очевидным общий подход к локальному улучшению ситуации (с дальнейшим ее контролем). Для этого следует задержать переход процесса потребительского *долива* в режим «снижения». Это можно сделать путем дополнительного некредитного *долива*, который усилит рост реальных доходов физлиц, что снизит долю кредитных выплат в текущих расходах и позволит физлицам продолжать *линейно* наращивать свою кредитную задолженность. Данная мера позволит свести поток спроса, вызванный потребительским *доливом*, к некоторой константе и позволит постепенно и грамотно подойти к решению проблемы неминуемого выхода процесса потребительского *долива* в режим «снижения». Здесь хотелось бы отметить, что процессом потребительского кредитного *долива* желательно было управлять с самого начала, но рыночная парадигма этого не требует, что постоянно приводит к различным эксцессам. Последний такой эксцесс был в 2008 году в США на базе аналогичного неуправляемого процесса потребительского *долива*, связанного с ипотечным кредитованием, который, в отличие от рассматриваемого российского процесса, проходил с большими осложнениями.

Анализ текущей ситуации в экономике России мы начали с рассмотрения особенностей текущих *доливов*, определяющих динамику текущего потока конечного спроса, и увидели, что там есть проблемы, способствующие замедлению процессов интенсификации в системе. Для полноты анализа следует рассмотреть и другие возможные причины замедления экономики. Эти причины связаны с возможными ограничениями производственных процессов, не позволяющими адекватно отвечать потоком предложения на соответствующий поток спроса. Таких причин две: одна связана с возможной перегрузкой основных средств производственных процессов, другая связана с возможным дефицитом рабочей силы. Есть объективные основания считать, что эти причины в настоящее время не оказывают существенного влияния на производственные процессы (загрузка основных средств растет, но далека от максимальной, а уровень безработицы, хотя и относительно небольшой, но далеко не нулевой).

В заключение хотел бы перечислить первоочередные меры, которые могли бы существенно улучшить текущую экономическую ситуацию в России (в порядке важности):

1. Изменить алгоритм управления курсом рубля с целью полного подавления спекулятивной составляющей этого курса. Одновременно предпринять системные меры по управлению устойчивостью, связанные с недопущением негативных изменений в балансе текущего счета и балансе капиталов. Детальное изложение этих мер приведено в главе 11 [1]. Внедрение этих мер позволит фактически исключить искусственную девальвацию рубля, наносящую огромный вред стране.

2. Устранить дисбаланс инфляций, «заморозив» тарифы естественных монополий. При этом нужно проследить за тем, чтобы монополии не снижали свои «разумные» расходы (это может вызвать процесс деградации), все вопросы развития решали за счет прибыли или за счет прямых инвестиций (частных или государственных). Необходимые деньги (в случае государственных инвестиций) следует брать из бюджетных фондов. Эти меры (с некоторыми ограничениями) реализуются уже сейчас.

3. Исправить бюджетное правило таким образом, чтобы в реальный сектор всегда добавлялось рассчитанное количество денег. Научиться правильно рассчитывать *долгивы*.

4. Осуществить компенсирующий *долгив* (из резервного фонда) в пользу малообеспеченных слоев населения с целью исключения перехода процесса потребительского *долгива* в фазу «снижения» и восстановления процесса интенсификации в системе.

Полный список рекомендаций по управлению *долгивами* и устойчивостью приведен в главе 11[1].

Список литературы:

1. Михаил Сунцов «Рыночные» системы: взгляд системного аналитика. – М.: Буки Веди, 2013. –282с., в электронном виде: <http://www.stopcrisis.org/>